

1603. 05
295-
НИКОЛАЙ ЛУГАНСКИЙ:

Есть люди, которые радуются, когда им не понравился концерт

Культура — 2005. — 3-16 марта — с. 15

На Фортепианном фестивале в Рок-д'Антероне и Музыкальном фестивале "Безумный день" в Нанте, которые создал и возглавляет Рене Мартен, можно послушать игру великодушных пианистов, в том числе и российских. Один из них — москвич Николай Луганский. В январе 2001 года, когда он впервые выступил на "Безумном дне", посвященном русской музыке, газета "Уэст Франс" назвала его "самым русским из пианистов и, несомненно, одним из великих открытий фестиваля". В Париже Луганский ежегодно дает сольные концерты и выступает с оркестрами в престижном Театре Елисейских Полей. Особенно много разнообразной музыки знаменитый пианист играет на фестивале "Безумный день" (см. "Культура" № 7). Именно там Николай ЛУГАНСКИЙ любезно ответил на вопросы корреспондента "Культуры".

— Вы уже четвертый год выступаете в Нанте. Что нравится здесь?

— Очень многое и прежде всего публика, которая радуется музыке и тепло относится к исполнителю. Ведь для артиста каждый концерт — это стресс, самопреодоление, боязнь ошибки, страх крушения. Здесь этого нет, нет неприятного напряжения, которое существует почти на каждом концерте, а есть радостное ощущение, что играешь для друзей. В Нанте собирается множество музыкантов — самые разные люди, но в этой атмосфере они все доброжелательны. Все хотят, чтобы каждый концерт, свой и чужой, прошел самым лучшим образом. Я такого нигде не встречал.

— А в Рок-д'Антероне?

— Там другая атмосфера. Это более профессиональный фестиваль, поэтому там труднее, и я волнуюсь больше. К тому же в Рок-д'Антероне приходится играть на открытом воздухе, что очень трудно. Здесь в каких-то залах акустика хорошая, в других — не очень, но в помещении играть

все же легче. Всегда есть люди, которые радуются, когда им не понравился концерт. Они считают, что не зря пришли — им есть что плохого сказать о концерте. Но фестивали, как в Нанте и Рок-д'Антероне, выдают таких людей, их остается все меньше и меньше.

— Чем притягивает вас музыка Бетховена и в чем ее сложность?

— По типу пианизма она совсем не так связана с роялем, как музыка Шопена, Рахманинова, Листа, даже Моцарта. Бетховен слышал музыку бескомпромиссно, абсолютно независимо от того, для чего он ее писал. Есть масса ранних сонат, которые могут быть аранжированы для струнного квартета. В принципе многие сонаты можно аранжировать и для симфонических составов — за некоторым исключением. Скажем, Лунную сонату нельзя, поэтому играть ее или Аппассионату пианистически немного легче, чем Седьмую ре-мажорную сонату, которая вполне могла быть аранжирована для разных составов.

Н.Луганский

Если же вы сделаете такую аранжировку для любой пьесы Шопена, то это будет комично. В музыке Бетховена очень сильна логика развития и не столь важен элемент колористического обаяния взятого аккорда, то есть вы не можете спрятаться просто за красоту сиюминутного звучания. В этом сложность музыки Бетховена.

А притягательность ее в силе духа. Даже 5–6 лет тому назад я не мог бы сказать, что так сильно люблю Бетховена. С каждым годом я открываю в его музыке все больше и больше. Этот невероятно богатый мир показывает, как человек в самой трагической ситуации находит в себе силу для дальнейшей жизни и творчества, для преодоления любой душевной

катастрофы. Любое сочинение Моцарта как бы продиктовано Богом, то есть мы не можем судить о нем как о человеке через его произведения. В каждом сочинении Бетховена, даже самом безмятежном, все равно видна его личность, его самопреодоление, его работа над собой, чтобы выжить, воспрянуть и снова оказаться на вершине творчества. У Моцарта музыка божественная, у Бетховена при всей ее жесткости она невероятно человеческая в смысле того, что ее писал человек, иногда сверхчеловек, именно он писал, и это всегда о нем.

— Вы здесь играли только бетховенские сонаты. С чем это связано?

— Я только что закончил запись Второго, Четвертого концертов и совсем недавно играл Первый концерт и Рапсодию Рахманинова в Америке. Поэтому здесь не мог исполнять столь много разной музыки, как, например, Борис Березовский. К тому же через несколько дней у меня сольный концерт в Брюсселе, где будет шесть сонат Бетховена. Поэтому я попросил здесь ограничиться сонатами. Планировалось, что я сыграю Четвертый концерт Бетховена, но это не состоялось. Может быть, сыграю его в "Безумный день" в Лиссабоне.

— Среди всех фортепианных концертов Четвертый Бетховена занимает особое место. В чем его специфика?

— Да, он действительно стоит особняком, даже у Бетховена. В любом произведении Бетховена есть два понятия: "верден" — становится и "зайн" — быть. В раннем и особенно среднем периоде творчества компо-

зитор "верден", становление и достижение чего-то, было намного сильнее, чем "зайн". Четвертый концерт, написанный почти в то же время, что и Аппассионата, — это совсем другое: на протяжении огромного концерта (он длится 40 минут) Бетховену не нужно ничего достигать. Это самое божественное его творение, где есть ниспосланное ему спокойствие возвышенной красоты, которое не нуждается в каком-то преодолении, выходе на новую ступень. Это некая данность. Это еще Бетховен среднего периода, еще полный жизни и страстей человек, который вдруг в момент откровения получил эту божественную красоту.

Музыкальное время у Бетховена раннего и среднего периодов невероятно пульсирующее, то есть постоянно есть направление движения чего-то к чему-то. И только в позднем Бетховене в некоторых медленных его вещах есть как бы растворение этого времени, когда оно исчезает. Вот в Четвертом концерте рядом с героикой мы встречаем эти моменты даже в финале. Казалось, здесь должна быть пульсация, моторика, но мы встречаем растворение времени в музыке. Медленная часть концерта — удивительно светлое откровение Бетховена.

— Вы исполняли каждый бетховенский концерт по несколько раз в разное время. Недавно Борис Березовский сыграл все пять концертов за один вечер, а Евгений Кисин — за два. Есть ли у вас такая мечта?

— Да, но я бы не стремился это уместить в невероятно короткий промежуток времени, потому что не вижу в

этом смысла. Бывают вещи, которые друг друга дополняют и вырастают в некую планету. А здесь каждый концерт — своя планета. Мне кажется абсурдным играть, скажем, Четвертый и Пятый концерты в один вечер. После Четвертого концерта необходим просто другой жанр, так же как после Пятого, иначе возникает проблема "кто кого", и один концерт побеждает, скорее всего Пятый. Первые два концерта стилистически близки друг другу, поэтому они могут исполняться вместе, даже в одном отделении. А все остальные — три совершенно разных мира. Я очень люблю слушать музыку и как слушатель не горю желанием услышать в один вечер все или даже 2–3 крупных концерта. Я бы хотел это исполнить на протяжении недели или 10 дней. Но я рассуждаю не как исполнитель, а как слушатель, то есть так, как я хотел бы услышать эту музыку.

— Может ли "Безумный день" иметь успех у московской публики?

— Вряд ли, потому что в Москве люди, у которых есть свободный час, озабочены тем, как за это время заработать немного денег для пропитания. Но, с другой стороны, есть люди, которым удастся сделать невозможное. Например, Рене Мартен делает невозможное с огромным успехом. Если рассуждать логически, то в Москве этот фестиваль провести невозможно, а на уровне веры — да, я верю, что Р.Мартен может это осуществить где угодно, даже в Москве.

Беседу вел
Виктор ИГНАТОВ
Нант